

Он работал не за страх, а за совесть. И не боялся Берии

Есть такое понятие, как «живая история». Она воплощена в тех людях, которые еще живы и могут нам многое рассказать. Но есть иная история, и людей, создававших ее, уже нет в живых, но о них помнят сейчас, будут помнить завтра и через многие века. Это Игорь Курчатов, Юрий Харитон, Сергей Королев, и в ряду этих звездных ученых и Павел Зернов, уроженец Литвинова, дважды Герой Социалистического Труда. Они вместе создавали ядерный щит державы.

Первый советский ядерный реактор академика Курчатова пущен в 1960 году, но работает до сих пор. 12 января исполнилось 105 лет со дня рождения Игоря Васильевича, а 19 января день рождения Павла Михайловича, он на три года моложе.

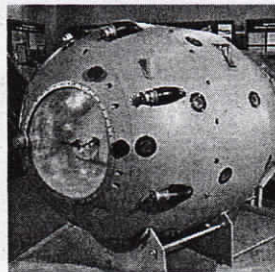
В 1949 году Курчатов, Харитон и Зернов испытывали первую атомную бомбу. 20 февраля 1956 года прошла испытания первая межконтинентальная ракета с ядерной боеголовкой, созданная талантами Сергея Королева, Павла Зернова и других выдающихся ученых. Председателем комиссии по этому испытанию был П.М. Зернов. За этот успех науки наш земляк получил вторую звезду Героя, вместе с Королевым.

В феврале в девятый раз страна отмечала День науки. Кольчугинская же кем гордиться, ведь кроме Зернова есть у нас еще ученые, академики Савицкий, Зеленков. И все же Павел Зернов — самая выдающаяся личность. Он прожил всего 59 лет, и, возможно, преждевременная смерть его была вызвана теми величайшими трудностями, которые он испытывал, воплощая в жизнь гигантские проекты. О некоторых таких моментах попытаемся вспомнить.

9 апреля 1946 года вышло постановление Совета Министров СССР о создании в поселке Сарово на базе машиностроительного завода специализированной научно-исследовательской и проектно-конструкторской организации, не секретное название ее было «База 112 Главстроя СССР» или КБ-11. Основным заданием была разработка и изготовление опытных образцов реактивных двигателей. Однако главным звеном в работе являлось создание атомного оружия. Большая часть всех колоссальных мероприятий легла на плечи Павла Зернова, которого специально освободили от должности заместителя министра транспортного машиностроения.

Под новый секретный объект была отведена площадка размером около ста квадратных километров на территории Мордовского государственного заповедника. Строительству КБ-11 поручили Министерство внутренних дел, то есть предполагалось привлечение заключенных. Павлу Михайловичу уже не раз в годы войны и послевоенные годы приходилось выполнять самые ответственные поручения партии и правительства, но на сей раз надо было все начинать с нуля, с чистого поля. Его организаторский талант и опыт позволили уже к началу 1947 года сформировать несколько главных исследовательских лабораторий. В том же году личным распоряжением Сталина КБ-11 было отнесено к особо режимным предприятиям, с превращением его в закрытую режимную зону. Был пересмотрен контингент осужденных, некоторых воезированной охрана, ее довели до 1400 человек рядового и сержантского состава. Немало на объекте трудилось и вольнонаемных рабочих, которые имели доступ к секретным сведениям и контактировали с заключенными. В жилой зоне участились случаи краж, грабежей и других видов преступлений, на что Павел Михайлович не мог не реагировать. Он, в частности, писал Лаврент

ию Берии: «Внутри зоны объекта находится до 2000 человек, освобожденных из лагеря стропельщиков МВД СССР. Размещены они в жилом поселке объекта. За последнее время имели место кражи и убийства. Обокрали квартиру одного из начальников конструкторского отдела, убили надзирателя лагерной охраны, были случаи пожаров. Работники объекта боются вечером ходить по улицам. Сложилось совершенно ненормальное положение. Судя по

составу освобожденных и их настроениям, не исключена возможность весьма серьезных случаев. Прошу Вас дать указание немедленно удалить этих лиц из зоны и впредь освобожденных из лагерей в зоне не оставлять...»

Однако освобожденных заключенных по-прежнему принимали на работу в режимную зону. Павел Михайлович обращался и к министру Перухину с такой же просьбой, но и она не имела положительного решения. К 1950 году контингент бывших заключенных составлял 3700 человек и продолжал увеличиваться. Так и строил наш земляк секретный объект руками бывших «зеков».

Были и задержки в строительстве, нехватка квалифицированных кадров, несогласованность с поставщиками и прочие «замоорочки». Поэтому КБ-11 не смогло к назначенному сроку подготовиться к первым испытаниям. Были назначены новые сроки испытывать «первый комплект экземпляра РДС-2» не позднее 1 декабря 1949 года. К работам подключались все министерства, в том числе и цветной металлургии, объект усиливался кадрами.

Так, если в 1947 году там было всего 15 научных работников, то в следующем — 42. Павел Михайлович много внимания уделял молодежи, которая могла бы работать в лабораториях. В октябре 1947 года он обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой о направлении 40 молодых работников в лабораторию в качестве электротехников и радиотехников. Позже было принято специальное постановление Совмина СССР о выделении и направлении на предприятие выпускников ремесленных училищ и школ ФЗО. С кадрами всегда было трудно, однако все без исключения рабочие, лаборанты, конструкторы, водители трудящихся с полной отдачей, не за страх, а за совесть. Рабочий день в отделах и лабораториях начинался в девять утра и заканчивался в шесть вечера. Но, как правило, люди работали до восьми и задерживались допоздна. Особенно во время какого-нибудь эксперимента. И пример в этом подавал сам Павел Михайлович.

В связи с тем, что первое по-

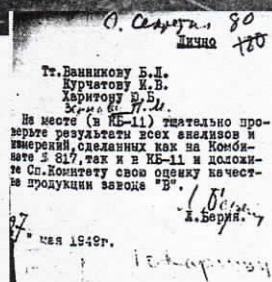

становление Совмина СССР по срокам не было выполнено, у Зернова возникли первые трения с Лаврентием Берией. Тот следил за деятельностью КБ-11 и, как обычно, во всех срывах и недочетах видел факты вредительства. Известно, что Берия был крайне груб и жесток с людьми, а Павел Михайлович такого не допускал. Первая серьезная стычка произошла 12 февраля 1949 года.

«На очередном совещании у Берии, — вспоминал Павел Михайлович, — тот напомнил собравшимся истину, которую каждый из нас знал назубок: «Товарищ Сталин очень не любит, когда слышит слова, за которыми не следует дело!» Очень любила эту фразу повторять Лаврентий, когда что-то задерживалось и не выполнялось по срокам.

После традиционной качки, перемешанной с угрозами, Лаврентий попросил меня задержаться «для уточнения одной детали». И когда мы с ним остались наедине, хозяин кабинета дал волю чувствам: начал рисовать мне в красках перспективу моего превращения «в лагерную пыль» в случае любого срыва в работе, а тем более — при неудаче «решающего эксперимента» там, под Семипалатинском. Несколько минут я держался, а потом произошло непонятное: руки самопроизвольно ссеребрились массивный канделябр, украшавший письменный стол, и я занес его над головой. Опешивший Лаврентий шаркнул за стенке, выхватил браунинг с литой золотой рукояткой. Но выстрела не последовало: видимо, он вовремя сообразил, что мою ликвидацию перед испытанием бомбы Сталин вряд ли одобрит. Одернув китель, Берия со злобой произнес: «Ну, ладно, сволочь. Немного подождет. Посмотрим, что покажет эксперимент!»

Этот случай Берия не забыл и в последующей работе старался всячески напоминать о себе. К концу 1949 года работа над бомбой шла к завершению. В 170 километрах от Семипалатинска выстроили площадку-полигон для испытания атомной бомбы. Общий объем затрат на строительство и оборудование составил 185 миллионов рублей в ценах того времени. Организация испытаний была возложена на Павла Михайловича Зернова. 11 апреля он подписал приказ о создании специальной группы по подготовке испытания изделия

«501». Учитывая особую важность предстоящего, он обратился к Берии с просьбой выделить для полигона специальную часть для охраны и соблюдения пропускного режима.

В августе на полигоне собрались все руководящие спекомитета и научный руководитель проекта Игорь Васильевич Курчатов. Приехал и главный «администратор» Лаврентий Павлович Берия. Между тем конфликт между ним и Зерновым вспыхнул с новой силой. Вспоминает один из помощников Павла Михайловича Г.А. Соснин: «За несколько дней до взрыва заряда на полигон приехал Берия. Не разбираясь в тех сложностях, которые возникают при подготовке полигона, обвинил Павла Михайловича в тех задержках на отдельных объектах и в запальчивости сказал Зернову: «Чем же вы все здесь занимаетесь? Много рыбачили или на охоту ходили?» Все знали, что Павел Михайлович любил рыбачить с детства. Бессонные ночи, чрезмерная усталость и крайнее нервное напряжение привели к тому, что Павел Михайлович потерял над собой контроль и в отношении Берии допустил грубость, которая дорого генералу и в другое время стоила бы жизни».

Но объективность была такова, что, убрав Зернова, Берия тем самым сорвал бы испытания. И он стерпел, решив, видимо, припомнить позднее, если будет неудача в испытаниях. Однако взрыв был успешным.

Об этом много писали впоследствии участники исторического академии Юрий Харитон: «Уже зарядя подвешен к башне, установлен в клетку подъемника, и те, кто должен был участвовать непосредственно в заключительном снаряжении — К.И. Шелкин и еще двести человек — уже отправились вверх по лестнице, а Павел Михайлович говорит: «Нет, я наше дело не могу оставить». И пошел в эту самую клетку: это был не лифт, а просто открытая клетка, в которой была закреплена бомба. Зашел туда, встал на швеллер и поехал вместе с детисшем наверх».

В пять утра 29 августа все по-

кинули полигон, за исключением Зернова и еще пяти специалистов по подрыву. В шесть утра Павел Михайлович доложил Курчатову о ходе заключительной стадии операции. С согласия Берии решено было совершить взрыв в семь часов. Испытания прошли удачно.

Эвакуация личного состава и материальных ценностей с полигона проводилась опять под руководством Зернова. По приезду в Саров участники испытаний вернулись к своей обычной работе. Их труд был по достоинству оценен партией и правительством. Ряд ведущих специалистов, в том числе и Павел Михайлович, удостоились звания Героя Социалистического Труда. Однако не обошлось без козней Берии. Всем героям полагались за счет государства в собственность дачи и крупные премии от 150 до 250 тысяч рублей, а также иные льготы. Ими Павел Михайлович был обделен, получил лишь звезду Героя. Ходили слухи, что при подготовке документов к награждению, Берия исходил из меры наказания, грозившего данному человеку в случае неудачи испытанию. Те, кому грозил расстрел, получили звезду Героя, кому максимальное тюремное заключение — ордена Ленина и так далее по нисходящей. Павел Михайлович воспринял это с достоинством!

За четыре года напряженной работы над проектом он не был в отпуске, не отдыхал, не лечился. Конфликт с Берией и множество других причин привели к тому, что в 1950 году у него случился тяжелейший инфаркт. Умер генерал Зернов 7 февраля 1964 года, похоронен на Новодевичьем кладбище. В Литвинове, на малой родине, установлен бронзовый бюст, в Кольчугине есть улица его имени. В городе Сарове также берегут память об ученом, конструкторе, генерале — центральной улице и школа названы в его честь, на здании института висит мемориальная доска.

А мы будем помнить слова легендарной земляка: «Много трудностей было и есть в нашей работе. Много интересного и поучительного было за многие годы в этой отрасли промышленности, но мы всегда помим главное — во имя своей Родины, народа надо трудиться беззаветно, не жалея себя. Тогда жизнь становится прекрасной и счастливой».

В. РЕБРОВ

На снимках: сотрудники КБ-11 на прогулке, слева — П.М. Зернов, справа — И.В. Курчатов; служебная записка Л.П. Берии; первая советская атомная бомба — РСД-1.

При подготовке материала автор использовал публикации О.Ю. Смирновой «Главное дело жизни», В.С. Губарева «Арсамас — 16» и др.